

Ю. П. ПИЩУЛИН

Похороны М. Е. Салтыкова-Щедрина как событие общественной жизни

<Фрагменты>

2 мая 1889 года Петербург провожал в последний путь М. Е. Салтыкова-Щедрина. Это событие во многом предопределило характер и направление полемических отзывов о писателе в последующие дни, названные одним обозревателем «днями о Салтыкове»*. Однако по многочисленным публикациям столичной и провинциальной прессы, посвященным похоронам, невозможно составить сколь-нибудь полное и исторически достоверное представление об этом событии, понять его значение в истории русской общественной мысли и литературы.

По-видимому, в значительной мере это следует объяснить воздействием на освещение похорон в печати официальной политической доктрины правительства Александра III, суть которой сводилась к тому, что во второй половине 1880-х годов революционные настроения были подавлены и Россия окончательно «умиротворена». <...>

Воздействие официальной доктрины (а может быть, и официальной инструкции) ощутимо уже в рапорте агентов департамента полиции, присутствовавших на похоронах писателя. «Состоявшиеся 2-го сего мая похороны писателя М. Е. Салтыкова (Щедрина), — говорилось в этом рапорте, — несмотря на громадное стечение участвовавших в печальном шествии, преимущественно из учащейся молодежи, прошли совершенно спокойно и порядок ни в чем нарушен не был»**.

Примечательно однако, что даже это чрезвычайно утешительное для правительства донесение, миновав несколько иерархических ступеней департамента полиции, значительно преобразилось. В по-

* См.: «Неделя», 1889, № 19, 7 мая, стлб. 620.

** ЦГАОР, ф. 102 (ДП), Д-3, 1887 год, ед. хр. 677 (ч. 1), л. 156. См. также: «Былое», 1906, декабрь, стр. 122.

следующих документах заметно, в частности, стремление по возможности смягчить характеристику речей, произнесенных на могиле писателя. Агенты сообщают о речах следующее: «Речи касались деятельности покойного как писателя, — “обличителя неправды”». При этом, однако же, речи Ореста Миллера и Тимирязева¹ отличались некоторою резкостью и тенденциозностью»*. Иначе оцениваются «речи» в «Еженедельных записках», предназначенных для министра и других высших чинов правительства: «На могиле произнесено 8 речей, причем заслуживает внимание только речь бывшего профессора Ореста Миллера, проводившего в ней сравнение между старым добрым временем и настоящим положением вещей. Речь эта, несмотря на тенденциозность своего характера, успеха в среде собравшейся толпы (sic!) не имела»**.

В духе официальной версии похороны писателя освещались в печати. «Похороны Мих. Евгр. Салтыкова, — утверждал корреспондент журнала «Луч», — совершились с печально-торжественной обстановкою»***. Журнал сообщал своим читателям, что это были весьма обычные похороны человека, имевшего широкую известность: «много народа», «густая толпа», несколько выделена активность студентов.

Не способствовали воссозданию достоверной картины похорон и некоторые весьма противоречивые суждения современников. Так, К. М. Станюкович, вопреки, казалось бы, очевидным фактам****, считал, что на похоронах Щедрина людей было «не особенно много». «...Была скверная, холодная, дождливая погода, — писал Станюкович. — Но не погодой я объясняю относительное малолюдство, а “дурной нравственной погодой”... — и “веяниями” нового времени. Многие боялись отдать последний долг великому сатирику, великому пророку литературы русской. Тяжело это было видеть... обидно»*****.

Иное впечатление осталось у другого современника — М. Протопопова: «Если бы дорогой покойник мог наблюдать тот взрыв общего горя и сочувствия, который последовал за первым известием о его смерти, если бы он мог видеть густые, тысячные толпы людей, про-

* Там же, л. 156–156 об.

** ЦГАОР, ф. 102 (ДП), оп. 168, ед. хр. 15. Еженедельные записки, 1889 (1), л. 171–171 об. Курсив мой. — Ю. П.

*** «Луч», 1889, № 20. 14 мая, стр. 360.

**** См. известные зарисовки художника-корреспондента «Всемирной иллюстрации» на похоронах Щедрина («Всемирная иллюстрация», 1889, № 20, 13 мая).

***** См.: И. Нович. Флагман русской морской литературы. По неопубликованным материалам. «Огонек», 1953, № 20, стр. 27.

вожавших его гроб и слившихся в одном чувстве глубокого почтения к памяти своего учителя, — он убедился бы, что жизнь его прожита не даром и труды его не пошли прахом. Бывали писательские похороны торжественнее (напр., похороны Тургенева), но не было похорон сердечнее»*.

Все приведенные материалы свидетельствуют вроде бы о том, что похороны Щедрина сами по себе не стали значительным событием (они, по словам М. Протопопова, были всего-навсего «сердечными»).

Инерция такого подхода к освещению похорон дала о себе знать и в последующее время. <...>

Между тем, если даже в русской легальной печати проскальзывают суждения о «чрезвычайных похоронных овациях Щедрина»**, намекающие на некоторые особые обстоятельства, сопровождавшие похороны писателя, то документы и свидетельства, свободные от воздействия официальной версии, позволяют во многом восполнить картину похорон М. Е. Салтыкова как события общественной жизни.

Здесь, прежде всего, важно отметить, что власти готовились к похоронам как к серьезному политическому событию. Об этом <...> свидетельствует не привлекавшее до сих пор внимания исследователей дело с весьма красноречивым названием — «О демонстрации студентов по поводу кончины писателя Салтыкова (Щедрина)». Оно, в частности, позволяет пополнить новыми сведениями историю приобретения и доставки в Петербург венка от студентов Петровской академии.

Выясняется, в частности, что сразу же после получения известия о смерти писателя инспектор студентов поручил своим помощникам, «чтобы они следили завтра и в следующие дни, не последует ли какого движения между студентами в отношении подписки или сбора на венок. Подобное движение они обязаны прекращать немедленно...»*** Однако уследить за студентами инспектору не удалось: подлинный подписной лист (сохранившийся в деле и включающий около 200 фамилий) был обнаружен после того, как подписка была закончена. В этом документе списку студентов с обозначением суммы каждого взноса предшествует такое обращение: «Скончался Щедрин! Желаящие почтить память покойного приглашаются внести на венок “Дорогому учителю от студентов Петровской академии”. Венок будет отвезен одним из студентов»****.

* «Северный вестник», 1889, июнь, стр. 1.

** См.: «Колосья», 1889, № 5, май, стр. 321.

*** ЦГАОР, ф. 63, оп. 4, ед. хр. 133, 1889 год, л. 1 об.

**** Там же, л. 4.

Далее по документам дела можно установить, что 1 мая 1889 года отпросившиеся в отпуск студенты академии Колокольцев, Кугушев и Шацкий, сев в 3 часа ночи на полустанке Петровско-Разумовское в товарный поезд, отправились в Петербург и повезли с собой венки в специальном деревянном ящике. Вслед делегатам петровских студентов московский обер-полицеймейстер должен был отправить петербургскому градоначальнику следующую телеграмму: «По распоряжению его сиятельства г. генерал-губернатора покорнейше прошу ваше превосходительство приказать задержать студентов Петровской академии Колокольцева, Шацкого и Кугушева, отправившихся без разрешения своего начальника в Петербург для возложения венка на могилу Салтыкова, и препроводить обратно в Москву под конвоем»*. На тексте этой телеграммы сохранилась карандашная пометка: «По сведениям предполагалось отправить в Петербург». Текст крест-накрест перечеркнут чернилами. Тем не менее документ дает достаточно наглядное представление о серьезности тех политических событий, которые ожидало правительство на похоронах писателя.

Особым образом готовились к похоронам столичные власти. «Накануне выноса тела, — рассказывал об одной из «мер» сын писателя, К. М. Салтыков, — к нам заявился полицейский пристав, объявивший, что он послан для того, чтобы осмотреть надписи на венках, которых было больше двухсот. Предъявив полномочия, «цензор» приступил к исполнению своих обязанностей...»**

В записях очевидцев и воспоминаниях современников похороны 2 мая 1889 года остались как внушительное проявление общественного протеста против правительственной реакции, против притеснений демократической печати. «Похороны Салтыкова, — записал 5 мая неизвестный очевидец, — были в высшей степени внушительны. Давно уже общее недовольство не демонстрировалось лучше... Публика была страшно возбуждена. Безобразия полиции были невероятны. Всего испытанного невозможно и передать. Мне кажется, что в последнее десятилетие ни один факт общественной жизни не произвел такого впечатления и не имел такого значения, как этот день»***.

В статье члена кружка самообразования студентов Петербургского университета И. Дворжицкого о политическом положении в России второй половины 1880-х годов «кончина известного писателя

* Там же, л. 11.

** «Правда», 1929, № 106 (4240), 12 мая, стр. 5.

*** ЦГАЛИ, ф. 445, оп. 3, ед. хр. 3, л. 3.

Салтыкова» отмечена в ряду тех событий, которые «сопровождались некоторыми инцидентами, не лишенными известного значения»*.

Слухи о том, что происходило 2 мая в Петербурге, разными путями проникли очень скоро и в провинцию. Известный впоследствии астроном В. В. Стратонов (в конце 1880-х годов студент Новороссийского университета в Одессе) 8 мая 1889 года записал в своем дневнике: «Скончался известный писатель М. Е. Салтыков (Щедрин)... Недавно хоронили его и больно читать, какие безобразия были допущены при его похоронах»**.

Однако наиболее полная и достоверная картина похорон (отдельные детали которой подтверждают данные из других источников) запечатлена в уникальном документе — письме, присланном неизвестным петербургским корреспондентом П. Л. Лаврову² для публикации в одном из изданий русской революционной эмиграции.

Воспроизведем наиболее существенную часть этого документа:

«...Всех венков было перед выносом более 150, но среди них выделяется особенно один венок — из лавров и терний с одной только розой и с надписью внутри, на черном бархатном поле: “русскому гражданину”, а на траурных лентах: “обличителю мракобесия” и “поборнику правды”.

...Вынос тела на Волково кладбище был назначен на 2 мая в 10 ч. утра, о чем и было заявлено в газетах. Но накануне, вечером, было сделано негласное распоряжение градоначальника о том, чтобы печальная процессия вышла не в 10, а в 9 часов. Этим распоряжением имелось в виду уменьшить процессию до возможного минимума, чтоб разница в степени выражения сочувствия к умершему литератору и на днях только похороненному министру внутренних дел Толстому не слишком резко бросалась в глаза. Но цель распоряжения не была достигнута. Масса народа, толпившаяся у гроба накануне погребения до 11 и позже часов ночи, была извещена о новом распоряжении и очень немногие таким образом не узнали о перемене часа. Было и еще несколько распоряжений, которыми хотели уменьшить процессию, снизить ее торжественность, ослабить впечатление, которое могла бы произвести она на участвующих в процессии и на стоящую на тротуарах и выглядывающую из окон публику...

Утро 2 мая, день погребения, было пасмурное и холодное, шел дождь. Но несмотря на дурную погоду, уже к 7 часам начали собираться у дверей дома, где жил Салтыков, надеясь захватить место

* ЦГАОР, ф. 102 (ДП), Д-3, 1885 год, од. хр. 118, л. 99.

** Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 218, парт. 1069, ед. хр. 3, л. 184 об.

в квартире, но в квартиру посторонних не пускали. В девятом часу у дверей, под дождем собралась уже громадная толпа народа, терпеливо ожидающая назначенного часа. Сюда же прислан был отряд высших и нижних чинов полиции и несколько конных жандармов... В толпе прошел ропот, на лицах появилось выражение неудовольствия, которое скоро перешло в явный гнев.

Прибывшая полиция начала действовать очень энергично. Она старалась отогнать народ от дверей и ворот дома, посылая его на другую сторону улицы. Никто не хотел уходить... При этом происходили сценки вроде следующих. Полицейский обращается к студенту Лесного института и велит ему перейти на другую сторону. Тот отказывается и говорит, что не тронется с места. — Я вам приказываю уйти с этого места на другую сторону! — возвышает голос “начальство”. А я вам говорю, отвечает тот с раздражением, что оставляю его не иначе, как когда меня выведут... “Начальство” призывает городского на помощь и велит ему вывести непокорного. Услужливый городской хватает студента и в спину выталкивает его на мостовую... Толпа негодует, многие стоят бледные, закусив губы, но еще сдерживаются и молчат...

Гроб вынесли учащиеся и поставили на катафалк, так как полицией запрещено было нести его на руках. Массы народа окружили катафалк, не производя, однако, беспорядка. Между тем полиция опять нашла возможным пустить в толпу конных жандармов, которые вызвали в толпе давку, произвели большой беспорядок и подняли опять улегшееся было чувство раздражения*.

Студенчество хотело образовать хор, но процессия шла по Невскому проспекту, вследствие негласного распоряжения полиции, так скоро, что за гробом пришлось бежать чуть не рысью, а потому не было никакой возможности установиться хоть в какой-нибудь порядок...

В начале Николаевской ул. тот же галоп, тот же стремительный бег траурной процессии. И только к концу этой улицы студентам удалось, наконец, опередить катафалк с гробом и напором живой стены замедлить движение лошадей...** Процессию повели по самым глухим местам, как Николаевская ул., Разъезжая, Лиговский канал и др.

* Ср. воспоминания К. М. Салтыкова: «Во дворах домов, находившихся по пути следования процессии, были “на всякий случай” сосредоточены крупные силы конной жандармерии. Конные же жандармы плотным кольцом окружили самую процессию, как будто это были не похороны, а шествие людей, ведомых в тюрьму» («Правда», 1929, № 106 (4240), 12 мая, стр. 5).

** «Повинуясь, по-видимому, приказанию полиции, — свидетельствовал современник А. Н. Герасимов, — кучера похоронного бюро пустили сразу лошадей, везущих катафалк с гробом, быстрой рысью, чуть ли не вскачь... Кому-то, очевидно, хотелось как можно скорее промчатъ через царский Петербург прах опасного и при жизни и после смерти Щедрина» («Молодая гвардия», 1926, книга третья, стр. 211).

Громадная процессия широко раскинулась вдоль улицы. Громкое пение студенческого хора слышно было уже издали и вызывало к окнам массу трудящегося, темного люда, который не понимал еще смысла происходящего перед ним, но которого удивляла эта громадная толпа, шедшая за катафалком.

...У свежевырытой могилы, рядом с могилой Тургенева, собралась такая громадная толпа народа, народа интеллигентного, среди которого отсутствовали шитые мундиры, ордена и ленты, но среди которого попадались кое-где и простые головные платочки и серые солдатские шинели, <толпа>, которая давно уже не собиралась в Петербурге, разрозненным и поработанном полицией и шпионством...

...Речи были действительно хороши, таких речей давно уже не слышал Петербург. Первым было прочитано стихотворение, присланное каким-то крестьянином, стихотворение очень недурное, выяснявшее сущность деятельности умершего писателя и значение понесенной утраты, но политического оно ничего не заключало.

Далее следовало несколько речей и стихотворений хороших, но не произведших сильного впечатления на слушающих отчасти по причине своего содержания, отчасти же вследствие дурной дикции ораторов.

Но вот на крыше одного из близко стоящих к могиле памятников поднимается фигура студента университета; студент вытягивается во весь рост, сбрасывает с себя шинель и начинает читать стихотворение от лица товарищей — студентов университета. Студент говорит так громко, что голос его слышен всем, даже самым отдаленным слушателям*.

...Мало-помалу кладбище пустело. Но последними оставили его студенты. Петербургское студенчество вместе с депутациями от студентов Московского университета, студентов-сибиряков и студентов Петровско-Разумовской академии посетили могилы Белинского, Добролюбова, Писарева, Решетникова, возложили на них венки и пропели вечную память**.

В этом выразительном описании похорон обращает на себя внимание характеристика речей, произнесенных на могиле писателя. С одной стороны, «речи были... хороши». С другой стороны, они ничего «политического» в себе не заключали и не произвели «сильного впечатления на слушающих отчасти по причине своего содержания». В этой

* Стихотворение, прочитанное студентом С. А. Захарьиным, см.: «Литературное наследство», т. 13–14, стр. 242.

** ЦГАОР, ф. 1762 (П. Л. Лаврова), он. 2, ед. хр. 410, лл. 15–18 об. Текст этого документа со значительными (и часто чрезвычайно неудачными) сокращениями опубликован в редком и труднодоступном издании — журнале «Социалист» (Женева, 1889 год, июнь, № 1, стр. 28–30).

характеристике — признание действительного факта. Либеральные речи О. Ф. Миллера, К. К. Арсеньева и других ораторов не выразили, разумеется, всей сложности идейно-политических взглядов и умонастроений людей, собравшихся у могилы М. Е. Салтыкова. Однако в реакционную эпоху³ сама постановка в публичных речах вопроса об общественном значении литературной деятельности Щедрина была отражением глубокого недовольства существующим положением вещей среди широких демократически настроенных кругов русского общества.

По свидетельству одного из современников, общественная жизнь конца 80-х годов, «загнанная в подполье», «продолжала существовать разумно в деятельных поисках выхода на широкий простор». Похороны Салтыкова, панихида по Чернышевскому, продолжает он, были такими ее проявлениями, когда «подполье раскрывалось, и жители его выходили наружу и воочию доказывали, что жизнь еще теплится, что она протестует против насилия, что с ним она не примирилась и примириться не может, что палачи бессильны убить ее...»*

<...>

«Я присутствовала, — вспоминала Э. Л. Войнич⁴, — на похоронах Щедрина, чьим творчеством я всегда восхищалась. Это была единственная политическая демонстрация в России, в которой я принимала участие». И далее: «Похороны Щедрина произвели исключительное впечатление благодаря тому, что его участники твердо решили не дать сорвать демонстрацию»**. В мемуарах М. В. Ямщиковой⁵ глава, в которой рассказано о похоронах М. Е. Салтыкова и Н. В. Шелгунова (в 1891 году), названа «Две демонстрации»***.

<...>

* Е. В. Гешин. Шелгуновская демонстрация (воспоминания современника). «Минувшие годы», 1908, № 11, стр. 25–26.

** Евгения Таратута. Наш друг Этель Лилиан Войнич. Изд. «Правда», М., 1957, стр. 41.

*** Ал. Алтаев [М. Е. Ямщикова]. Памятные встречи. Гослитиздат, М., 1959, стр. 327–335.